

оседлости и производящих форм хозяйства. Помимо религиозной сопричастности такие центры удовлетворяли потребность представителей разных охотничьих племен в товарообмене и вербальной коммуникации. Всеобщие сборы для особых обрядовых действий, как и собственно грандиозное строительство данного культового центра приводили к концентрации людей, идей и обмену опытом на определенной территории. С одной стороны, это способствовало выработке новых социальных взаимоотношений, производственной специализации и разделению труда, а с другой – ставило в конечном итоге вопрос об обеспечении на значительный период времени большого количества людей питанием, о рациональном использовании имеющихся в наличии ресурсов окружающего пространства. Именно такое скопление в течение длительного времени большого количества людей по причине существования древнего межплеменного культового центра, как это иллюстрируют материалы Гёбекли Тепе и соседних памятников, по мнению Шмидта, в конкретном регионе привели к постепенному установлению контроля человека над природными ресурсами и их воспроизводству. Но когда изменились экономические основы, а также весь образ жизни населения округа, старый ритуальный центр союза охотничьих племен, исчерпав свои организационные и идеологические возможности, придя в несоответствие с действительностью, в конце концов был оставлен (с. 255).

Можно заключить, что объекты символического содержания, весьма и весьма выразительные, неожиданные во многих отношениях для эпохи докерамического неолита, действительно внесли много нового в понимание механизмов «неолитической революции». Представляемый же материалами Гёбекли Тепе и синхронных ему поселений Северной Месопотамии сценарий перехода от древнего к новому каменному веку с очагом в межплеменном ритуальном центре, очевидно, являлся одним из возможных, но, безусловно, не единственным вариантом развития первых стадий процесса неолитизации в переднеазиатском регионе. Данный тезис будет еще уточняться дальнейшими исследованиями этих территорий. Такая конкретизация в вопросах осуществления «неолитической революции» для отдельных областей Ближнего Востока является весьма перспективным направлением современной науки о предыстории человечества.

Остается добавить, что открытия в Гёбекли Тепе, освещенные в рецензируемом издании, предназначенном для немецких читателей, получили широкое признание научной общественности и читающей публики во всем мире. В общей сложности за последующие три года эта работа трижды переиздавалась в Германии и разошлась невиданным для научно-популярной книги тиражом в 10 000 экземпляров. В 2007 г. монография вышла на турецком языке. В настоящее время готовится польский ее перевод, а также издание в России силами Санкт-петербургского издательства «Алетейя». Хочется верить, что этот проект в нашей стране получит свое завершение. Ознакомление с результатами новейших исследований на Гёбекли Тепе, изложенными руководителем раскопок К. Шмидтом, несомненно, будет полезным для всех интересующихся древней историей русскоязычных читателей.

Т.В. Корниенко

© 2010 г.

Art et archéologie des monastères gréco-bouddhiques du Nord-Ouest de l'Inde et de l'Asie centrale. Actes du colloque international du Crpoga (Strasbourg, 17–18 mars 2000). Éd. par Z. Tarzi et D. Vaillancourt. Paris: De Boccard, 2005. 317 p.

Хотя рецензируемый сборник был опубликован несколько лет назад, все же представляется полезным дать о нем краткую информацию в ВДИ. Дело не только в том, что сборник интересен сам по себе, но и в том, что новая западная литература в наших библиотеках появляется и становится доступной российским читателям редко и поздно и поэтому есть смысл проинформировать их хотя бы и с некоторым опозданием.

Сборник открывается небольшим введением З. Тарзи. Автор кратко напомнил в нем об основных этапах дискуссии относительно происхождения искусства Гандхары и, в частности, о роли концепции Д. Шлюмберже, которая позднее была подтверждена открытиями в Ай Ханум.

Э.Д. Бивар в статье «Космополитические аллюзии в искусстве Гандхары» начинает рассмотрение проблемы с перечисления тех несомненно греческих образов и сюжетов, которые зафиксированы в искусстве Гандхары: богиня Афина (Лахорский музей), троянский конь, Андрокл и лев, Ганимед, уносимый орлом, похищение Эгины Зевсом. Затем Э.Д. Бивар указывает, что в Гандхаре помимо

буддизма существовали также зороастризм и митраизм (в форме, чрезвычайно близкой римскому митраизму, восходящей к религии мидийцев)¹. Поэтому вполне возможно, что данные сюжеты и образы представителями иных религиозных течений могли восприниматься совершенно отличным образом, представляя собой своего рода *interpretatio Indica* и *interpretatio Iranica* их. В форме постановки проблемы это предположение, естественно, не может вызывать какие-либо возражения, но в данном случае слабость концепции состоит в том, что автору так и не удалось привести ни одного бесспорного примера фактического наличия этого явления.

В статье А. Боллати ставится вопрос о генезисе греко-буддийской скульптуры, выполненной из сырой глины (и раскрашенной), которая столь обычна в Гандхаре, кушанской Бактрии и даже в Восточном Туркестане. Она видит ее истоки в скульптуре эллинистической Средней Азии, одним из ярких примеров которой являются статуи и их фрагменты, которые были открыты в Старой Нисе начиная с 30-х годов². Идея эта, в общем, достаточно самоочевидная и не требует особых доказательств, тем более учитывая то обстоятельство, что аналогичная скульптура была обнаружена в «Храме Окса», т.е. много ближе к Гандхаре, чем скульптура из Нисы. Точно так же не может вызвать сомнения и тезис о том, что эта скульптура создавалась греческими художниками. Вызывает возражения один из методов аргументации автора. А. Боллати считает, что подтверждению ее тезиса о работе греческих мастеров над глиняной скульптурой служит также наличие в Старой Нисе мраморной скульптуры и ритонов из слоновой кости, которые, по ее мнению, также были сделаны греческими специалистами по заказу парфянских царей. Однако с этим утверждением согласиться невозможно. Уже давно было доказано, что и ритоны и мраморная скульптура были изготовлены за пределами Парфии и оказались в царской сокровищнице Нисы, вероятнее всего, в качестве военной добычи³ и поэтому не могут служить доказательством пребывания греческих художников в Старой Нисе.

О. Бопеараччи в своей статье публикует несколько недавних находок эллинистической скульптуры, сделанных на территории Центральной Азии (в частности на городищах Ай Ханум и Беграма). Объектами публикации являются: бронзовая статуэтка Геракла, голова фаянсовой статуи греко-бактрийского царя, булла с изображением бородатой и украшенной диадемой головы греческого правителя, пластинка слоновой кости, на которой представлена Афродита, и, наконец, серебряная позолоченная статуэтка Венеры⁴. Автор подчеркивает, что эти находки расширяют наши знания о художественной культуре региона с точки зрения присутствия здесь произведений греко-римского искусства и их влияния на местные традиции. Основная масса находок, публикуемых О. Бопеараччи, происходит, как он полагает, из грабительских раскопок Ай Ханум, статуэтка же Венеры – из таких же раскопок в Беграме. Из наблюдений и выводов автора особое внимание привлекают следующие: принадлежность фаянсовой статуи греко-бактрийского царя к числу монументальных произведений, поскольку голова его в полтора раза крупнее головы нормальных размеров; предположение о местном производстве (по греческой модели) пластинки из слоновой кости и некоторые другие.

Э. Эррингтон посвятила свою статью проблеме датировки так называемого «реликвария Канишки» и связанным с ней вопросам. Как известно, реликварий был обнаружен при исследовании буддийской ступы в местности Шах-джи-ки-дхери в районе Пешавара в 1908 г. Д.Б. Спунером. На основании надписи на реликварии и найденных там же монет Канишки I он пришел к выводу, что им распорана известная по буддийским легендам знаменитая ступа, возведенная Канишкой. Соответственно, декор реликвария занимал важное место во всех концепциях рождения гандхарского искусства. Однако в дальнейшем этот тезис Спунера постоянно подвергался резкой критике (в частности благодаря новым чтением надписи)⁵. Сложность ситуации определяется и тем, что практичес-

¹ Концепция, которую автор активно пропагандирует (см. *Bivar A.D.H. The Personalities of Mithra in Archaeology and Literature. N.Y., 1998*), но, кажется, она не получила сколько-нибудь серьезного признания.

² Более подробно об этом сейчас см. *Bollati A. La sculpture in argilla cruda dipinta // Nisa Parthica. Ricerche nel complesso monumentale Arsacide. 1990–2006 / A cura di A. Invernizzi, C. Lippolis. Firenze, 2008. P. 167–195.*

³ См. *Bernard P. Les rhytons de Nisa. I. Poétesses grecques // Journal des savants. 1985. P. 25–38* (относительно ритонов); *Кошеленко Г.А. Родина парфян. М., 1977. С. 95–99* (относительно мраморной скульптуры).

⁴ Эта статуэтка уже ранее публиковалась (*Bopearachchi O. Gilded Silver Statue of a modest Venus from Begram // Silk Road Art and Archaeology. 1999/2000. Kamakura, 2000*).

⁵ Особое значение имеют, с нашей точки зрения, замечания Ж. Фуссмана (*Fussman G. Numismatic and epigraphic evidence for the chronology of early Gandharan art // Investigating Indian art. Proceedings of a symposium on the development of early Buddhist and Hindu iconography held at the Museum of Indian Art Berlin in May 1986 / Ed. M. Yaldiz, W. Lobo. B., 1987. P. 67–88*).

ки никто из исследователей не видел оригинала реликвария, хранящегося в музее Пешавара, и почти никто – его копию, находящуюся в Британском музее.

Э. Эррингтон использовала новый документальный материал для выработки своего подхода к проблеме. В хранилище Азиатского департамента Британского музея были обнаружены ранее не известные фотографии, сделанные сразу же после открытия реликвария. Как известно, внутри упомянутого выше реликвария находился еще один – шестигранный, выполненный из горного хрусталя, внутри его – три косточки. Этот реликварий был «запечатан» и отверстие в нем было закрыто, как считал Спунер, глиняной буллой. Э. Эррингтон, внимательно изучив фотографии, пришла к выводу, что автор раскопок ошибся. На самом деле данный предмет представлял собой бронзовую монету царя Хувишки, несколько затертую глиной. Исходя из двух предпосылок (первая – начальный год эры Канишки – 127 г. н.э. и вторая – данная монета принадлежит к числу последних выпусков Хувишки) автор пришла к выводу, что реликварий должен быть датирован периодом примерно 180–191 г. н.э.

Поскольку уже ранее многие исследователи возражали против отнесения данного реликвария к числу произведений искусства эпохи Канишки, выводы Э. Эррингтон могут быть приняты, вполне возможно, как решающий аргумент в этой дискуссии. В таком случае анализ ранних этапов развития искусства Гандхары должен обязательно осуществляться с учетом этого факта.

А. Филиженци в статье «Хозяин небес, герой земли: триада Будда – Ваджрапани – Сканда – в искусстве Гандхары» исходит из следующей посылки: даже в тех сценах, которые можно трактовать как исторические, обязательно присутствуют семантические темы, отраженные в иконографических схемах. Основное внимание в данной статье уделяется одному из таких сюжетов, в котором Будда – только один из персонажей триады: он представлен сидящим внутри пещеры или на скале, а по обе стороны от него изображены Ваджрапани/Геракл и Сканда. Эта триада составляет определенное семантическое единство, хотя она обычно увязывается с темой посещения Будды Индрой или индуистскими аскетами Парайяна.

Иконографический источник для этого сюжета автор видит в рельефе эпохи Флавиев с изображением Александра Македонского, сидящего на земном шаре, рядом с которым представлены Посейдон и Геракл (Ватиканский музей). Надо сказать, что сходство двух этих сюжетов достаточно далекое, при этом никаких «связующих звеньев» не указано, что заставляет отнестись к этому сопоставлению с большим сомнением. Кроме того, насколько можно судить по тексту работы, ватиканский рельеф никак не помогает А. Филиженци в ее столкновении семантики сцены. Семантика же обрисована очень путано, с большим числом внутренних противоречий в построениях: Будда становится солнцем, Ваджрапани уподобляется Ананде, ближайшему ученику Будды, и т.д. Но самое главное состоит в том, что все эти хитроумные построения практически не подтверждаются текстами.

Статья Н. Одани носит название «Повторное исследование находок из пещер Базавал». В 1965 г. Японская археологическая экспедиция исследовала пещеры в районе Базавал, расположенные в 50 км к востоку от Джалалабада. Эти пещеры протянулись на 3,5 км вдоль левого берега реки Кабул. Всего было зафиксировано более 170 пещер. Раскопки проводились на ограниченной площади – на открытой площадке перед пещерой № 98. В ходе этих исследований было найдено несколько фрагментов скульптуры из глины и штука. Датированы были эти находки временем около 400 г. н.э. Автор возвращается к этим находкам, проводя сравнение их со скульптурой, найденной позднее З. Тарзи при раскопках Тапа-е Шатор (Хадда), а в конечном счете – с росписями в той нише, в которой находилась большая статуя Будды в Бамиане. Н. Одани считает, что большинство исследователей неправы, относя комплекс большой и меньшей статуй к VI–VII вв.: детали причесок и некоторые орнаментальные мотивы заставляют датировать этот знаменитый комплекс временем около 400 г. Предположение Н. Одани выглядит, конечно, достаточно соблазнительным, но доказывать его надо на более широком круге источников.

Основу статьи А.М. Квалиотти составляет публикация ранее не известного гандхарского рельефа из Королевского музея Онтарио. На нем представлена божественная пара: женщина в роскошных одеждах с ребенком на руках, рядом с ней мужчина, держащий в руке копьё, рядом с ним мальчик, справляющий «малую нужду». Отметим с самого начала, что публикатор не дает сведений о множестве деталей, крайне необходимых при первичной публикации, например, не указаны даже размеры плиты, на которой представлен рельеф. В искусстве Гандхары подобные божественные пары представлены достаточно широко (данный рельеф выделяется только благодаря наличию в сцене мальчика). Обычно считается, что эти пары представляют изображение Куберы / Панчики / Вайшравана / Фарро и Харити / Шри / Ардохшо / Тюхе. Все они отражают идеи плодородия, здоровья, материального благополучия. А.М. Квалиотти дает длинный список подобных памятников из различных музеев (указывая при этом, что в данный список включаются только самые известные). Данный рельеф отличается от всех остальных только той деталью, о которой мы писали выше. В связи с этим автор рассматривает данные письменных источников, как античных, так и индийских, в которых бо-

жественная урина способствует плодородию, доказывая тем самым, что данный рельеф достаточно логично «вписывается» в серию аналогичных произведений искусства, происходящих из Гандхары.

Большой интерес, с точки зрения методологии, представляет работа Ф. Тиссо – это отклик на публикацию О. Старца-Маевским мраморной головы статуи, хранящейся в частной коллекции Ж. Ортица в Вандевре (Швейцария)⁶. У Ф. Тиссо вызывают сомнения как конечные выводы автора публикации, – а именно: статуя не может быть ни произведением римского скульптора в метрополии, ни произведением римского скульптора, эмигрировавшего на Восток, она должна считаться выдающимся произведением искусства Гандхары конца II или начала III в. н.э., – так и система доказательств. Думается, что мнение одного из крупнейших в мире специалистов по данной проблематике должно быть услышано.

Статья Х. Цучий освещает результаты полевых разведочных работ японских ученых на территории долины Дарел (Северный Пакистан). Эта долина стала доступной для исследователей только после строительства высокогорного Каракорумского шоссе, связавшего Китай с Пакистаном. Для историков буддизма долина интересна прежде всего тем, что китайские пилигримы-буддисты зафиксировали здесь наличие начиная с 401 г. н.э. гигантской сделанной из дерева статуи Майтрейи Будды. В связи с этим автор приводит свидетельства буддийских источников о том, как выглядит сам Майтрейя. Согласно традиции, он обитает на небесах Тушита, огромен, жизнь его продолжается многие тысячи лет. Автор сопоставляет эти свидетельства и факт наличия упомянутой скульптуры, устанавливая их взаимозависимость, однако остается неясным, что первично, а что вторично: статуя ли дала импульс рождению концепции или, наоборот, статуя воспроизводила знакомый по традиции образ. Японские археологи отметили несколько мест, представляющих интерес с точки зрения возможных будущих раскопок.

Последняя статья сборника принадлежит перу З. Тарзи и посвящена керамике из Хадды. Автор справедливо отмечает, что ранние исследователи совершенно не обращали внимания на керамику (за исключением фрагментов, имеющих надписи). З. Тарзи достаточно подробно, с привлечением широкого круга аналогий, рассматривает керамику, полученную в результате раскопок 60–70-х годов прошлого века и недавних работ, осуществлявшихся под его руководством.

В целом рецензируемый сборник представляет определенный интерес, хотя его название не очень хорошо соотносится с содержанием – собственно буддийские монастыри практически в сборнике не представлены. Основное внимание исследователей – участников коллоквиума и его авторов, было сосредоточено на проблемах искусства Гандхары – его происхождения, хронологических и территориальных границ, истолковании сюжетов и т.д., что само по себе чрезвычайно интересно и привлекает внимание научной общественности.

* * *

© 2010 г.

НОВЫЕ РАСКОПКИ СТАРОЙ НИСЫ

(*Nisa partica. Ricerche nel complesso monumentale arsacide. 1990–2006. A cura di A. Invernizzi e C. Lippolis. Firenze: Le lettere, 2008. P. XI, 401. Tav. I–XXXVII*)

Рецензируемая книга представляет собой отчет о раскопках части монументального комплекса сооружений на городище Старой Нисы (Южный Туркменистан). Как известно, Старая Ниса – важнейший памятник раннепарфянской эпохи, дающий исследователям основную массу сведений о самых различных сторонах жизни парфянского общества этого времени. Исследования на территории Старой Нисы начались еще в 30-е годы прошлого века и с некоторыми перерывами продолжают до настоящего времени.

«Предисловие» к книге написано А. Инверницци – выдающимся итальянским археологом, создателем и первым руководителем Итальянской археологической экспедиции на Нисе. Эта экспедиция была создана «Центром археологических исследований и раскопок на Среднем Востоке и в Азии» (Турин). А. Инверницци описывает (естественно, достаточно суммарно) всю историю исследований

⁶ *Starza-Majewski O. A Kušana Gandhara Marble Boddhisattva Head // South Asian Studies. 1999. 15.*

в данной части городища, начиная с первых раскопок А.А. Марущенко, а затем коллектива ЮТАКЭ, и более подробно – современный этап раскопок. Сама идея участия итальянских археологов в исследованиях этого памятника возникла достаточно давно – в 1988 г., но официальное начало работ – 1990 г. Экспедиция первоначально функционировала как советско-итальянская, затем как туркмено-итальянская и, наконец, в настоящее время, как только итальянская.

Структура книги, как обычно в такого рода изданиях, определялась характером проведенных исследований и полученных результатов. «Введение», автором которого является нынешний руководитель экспедиции К. Липполис, представляет своего рода хронику раскопок на данном участке городища. Далее следует краткая глава «Заметки о топографическом рельефе Старой Нисы» (автор – Н. Мастурцо). Поскольку экспедицией исследовались два больших архитектурных сооружения, то им отведены два раздела: первый из них посвящен так называемому «Круглому залу», второй – «Красному зданию». В третьем разделе, состоящем из нескольких глав, представлены находки, полученные при раскопках. Книгу завершают «Заключение» (автор – К. Липполис), «Библиография» и «Таблицы». Отметим, что в книге представлено большое количество иллюстраций – фотографий, чертежей. Наконец, дополнением к основному тому является отдельная папка с чертежами в крупном масштабе. Вся иллюстративная часть книги выполнена на очень высоком уровне, что очень важно в изданиях, представляющих собой отчеты об археологических исследованиях.

Первый раздел, посвященный «Круглому залу», начинается с глав, написанных К. Липполисом, – о ранних раскопках сооружений и о работах Итальянской археологической экспедиции. Анализ архитектуры «Круглого зала» сделан Н. Мастурцо, а новая реконструкция (и сопутствующие ей инженерные расчеты) – К. Блази, Э. Койсону и Д. Феретти. Как известно, данное сооружение было в значительной мере раскопано ранее: начал его исследование в 30-е годы XX в. А.А. Марущенко, затем несколько лет здесь работали археологи ЮТАКЭ. Итальянские исследователи завершили работу, они вскрыли ранее не раскопанные части внутреннего помещения, а также раскопали те коридоры и проходы, которые соединяют зал с остальными сооружениями комплекса. Среди находок, сделанных во время раскопок, необходимо отметить большое количество фрагментов глиняной скульптуры. В известном согласии с более ранними предположениями исследователи сочли здание сооружением сакрального или церемониального назначения (без более детального определения). В предшествующей литературе последнее определение отсутствовало, упор делался только на его храмовый характер. Основанием для этого служат сопоставления с третьим дворцом Ирода в Иерихоне и одним из сооружений в Эгах (Вергине).

Принципиально новым в решении проблем этого сооружения является предположение о его купольном перекрытии⁷. Детальное обследование характера кирпичной кладки восточной стены (наиболее сохранившейся) выявило, что она была ориентирована на поддержание именно купольной конструкции (которые входят в широкое употребление с IV в. до н.э.). Результаты анализа такого варианта конструкции с инженерной точки зрения показывают, что она вполне вероятна. Очень возможно наличие на определенной высоте карниза, отделяющего нижнюю часть стены от верхней. Нижняя часть была покрыта белой краской, верхняя – красной. Вполне вероятно наличие четырех ниш во внутренних стенах, в которых располагались статуи (Г.А. Пугаченкова предполагала наличие гораздо большего количества ниш и, соответственно, статуй). Менее определенным является решение проблем внешних поверхностей здания. Вполне возможно, что они также делились на два регистра: нижний был сплошным, а верхний украшен полуколоннами. Несмотря на возражения В.Н. Пилипко⁸, все же данная реконструкция перекрытия этого здания кажется более обоснованной⁹.

Второй раздел, в котором представлены материалы раскопок «Красного здания», написан почти полностью К. Липполисом. Название этому сооружению, в соответствии с принятой на Старой Нисе

⁷ Первоначально эта концепция была высказана в ст.: *Invernizzi A. Archaeological research in Old Nisa 1990–1994 // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roma, 1996. P. 243–245; idem. The Citadel of Parthian Nisa // Древние цивилизации Евразии: история и культура. М., 2001. С. 202.*

⁸ *Pilipko V.N. The central ensemble of the fortress Mhrdatkirt. Layout and chronology // Parthica. 2008. 10. P. 40.*

⁹ Думается в этой связи, что в дальнейших исследованиях необходимо обратить больше внимания на символическое значение купольной конструкции. См. *Smith E.B. The Dome. A study in the history of ideas. Princeton, 1971.* Свидетельство Филострата в жизнеописании Аполлония Тианского о купольной конструкции в парфянском царском дворце (*Vita Apoll. I. 25*) и ее символическом значении очень показательны.

традицией, было дано из-за преобладания красного цвета в декоре¹⁰. Эта часть монументального комплекса была целиком раскопана итальянскими археологами. Строительные конструкции здания сохранились в достаточно хорошем состоянии, что облегчало исследование и позволяло делать надежные выводы. Соответственно, текст раздела в своей основной части представляет собой детальный отчет о раскопках всего этого участка.

Здание было обращено к большому центральному двору, расположенному к северу от него. Здесь находился четырехколонный открытый портик (20 м шириной). От портика ко двору вели три ступени, так что собственно здание (включая и портик) было поставлено на платформу. Цокольные части как платформы (той ее части, которая обращена ко двору), так и основного здания, были облицованы плитами из песчаника, покрытыми резным орнаментом и раскрашенными. В центре находился прямоугольный зал (17 × 15 м). Здесь располагались четыре деревянные колонны, поставленные на каменные базы, состоящие из трехступенчатого плинта и тора – типа, достаточно обычного на Старой Нисе. Необходимо также отметить то обстоятельство, что вход из портика в главный зал устроен таким образом, что невозможно было видеть внутреннюю часть здания: она перекрыта стеной так, что здесь образуется своеобразный «тамбур». Вокруг центрального зала располагались П-образный в плане коридор и система небольших помещений. Основу для датировки представляет керамика, которая приблизительно указывает на время от II в. до н.э. по I в. н.э. Засвидетельствованы следы ремонтов, но здание не подвергалось какой-либо серьезной перестройке. В самом конце существования здания входы в некоторые комнаты были закрыты кирпичной кладкой.

Некоторые наблюдения над конструктивными особенностями сооружения позволяют, как считает К. Липполис, высказать предположение о том, что оно было возведено ранее, чем соседние здания, такие, как «Круглый зал» и Башнеобразное сооружение.

Отдельная глава посвящена анализу каменных конструкций сооружения (автор – Р. Менегацци). Из наблюдений, сделанных автором, необходимо отметить следующие: камень происходит из ближайших окрестностей (горы Копет-Дага), использование каменных плит в конструкциях в это время и в этом регионе представляется уникальным явлением, мотивы, используемые в декоре, – античные по происхождению, но их место в общем рисунке конструкций совершенно уникально. Тщательность исполнения декора заставляет думать, что здесь работала «команда» настоящих профессионалов.

Своеобразным дополнением к основной части текста второго раздела является небольшая глава, в которой рассматривались остатки средневековых сооружений, открытых над зданием парфянского времени (автор – К. Липполис).

Наконец, третий раздел книги включает описание и анализ находок, сделанных во время раскопок. В нем зафиксированы все категории находок. Главы посвящены: фрагментам глиняной скульптуры (автор – А. Боллати), материалам конструкций (автор – К. Липполис), керамике (автор – А. Челлерино), фрагментам орудий труда и оружия (автор – А. Менегацци). Глава о так называемых сфероидах написана В. Мессинной, а глава об остраках с парфянскими надписями – Э. Морано. В этом разделе представлены и некоторые аналитические материалы. В частности, отдельная глава посвящена красителям, использовавшимся как в скульптуре, так и в архитектурном декоре (авторы – Л. Апполония, Б. Радикати, А. Пиккирилло, В. Шатель). Глава о полученных результатах археоботанических исследований написана Р. Карамьелло, Д. Аробба и В. Фосса. Небольшая глава посвящена анализу состава металлов из находок на данном раскопе (автор – П. Рицци). Кроме того, отдельная глава представляет результаты реставрации обнаруженных объектов (авторы – Ж. Бертолотто, Б.Р. Брузин).

Глиняная скульптура «Круглого зала» представлена большим числом мелких фрагментов. Достаточно надежно выделяются следующие группы: первая – фрагменты трех (может быть, четырех) изображений мужских фигур (бородатых), двое из них имели диадемы; два фрагмента голов с изображениями волос, падающих на плечи (пол персонажей не определяется); вторая – фрагменты пяти или шести фигур, которые определяются на основе характера костюма: три (или четыре) – в греческом костюме (длинная туника) и плаще и два воина, из которых один – в иранской (?) одежде, с поясом на талии, а второй – в греческой, в кирасе с птеригами. На основе измерений отдельных фрагментов автор утверждает, что все эти фигуры были больших размеров (около 2,4 м в высоту). Поскольку Итальянская археологическая экспедиция пересмотрела вопрос о характере архитекту-

¹⁰ В.Н. Пилипко это название не нравится (*Пилипко В.Н. Некоторые итоги археологических исследований на Старой Нисе // РА. 2007. № 1. С. 150–151; Piliipko. The central ensemble... P. 37*), он предлагает называть его «юго-западным сооружением». Но для этого исследователя вообще характерно стремление дать свои собственные названия всем сооружениям Старой Нисы, и он бывает очень недоволен, когда пренебрегают его терминологией.

ры «Круглого зала», то, соответственно, необходимо пересмотреть и вопрос о месте расположения скульптур в нем. В настоящее время точно указать место нельзя, но, кажется, что скульптуры не могли стоять у стен. Возможно, они стояли на полу или на каких-то постаментах. Автор указывает, что нельзя также принять старую гипотезу Г.А. Пугаченковой о том, что статуи в этом помещении представляли 12 олимпийских богов.

Собственные концепции авторов раскопок строятся на идентификации одного фрагмента, представляющего нижнюю часть головы, как фрагмента статуи Митридата I. Исходя из этого высказывается предположение, что в зале были поставлены статуи парфянских правителей. А. Боллати пишет о своих наблюдениях о технике изготовления глиняных статуй и считает, что в скульптуре явно ощущается греческая художественная традиция, в частности, опыт создания бронзовых статуй, для которых необходимы были глиняные формы. Отсутствие в Средней Азии хорошего камня, пригодного для создания скульптур, подтолкнуло греческих мастеров для поисков в этом направлении. Важным обстоятельством автор считает наличие нескольких тенденций в скульптуре Нисы, таких, как архаизирующая, классическая, строгая. Все это ставит Нису в ряд важнейших художественных центров эллинистического мира.

С этой частью исследования тесно связана глава, посвященная анализу материалов, использовавшихся в живописи и скульптуре. При использовании современных методов (несколько вариантов) были получены достаточно полные данные по пигментам и связующим. Все данные представлены в обобщающих таблицах. Основной вывод при анализе строительных материалов состоит в том, что при постоянном использовании глины как главного строительного материала (в форме сырцовых и жженных кирпичей, терракотовых архитектурных деталей) на ранних этапах существования комплекса роль дерева и камня была более значительной, чем на поздних. Дополнением к этой главе служит каталог всех терракотовых архитектурных деталей, обнаруженных при исследовании данной части Старой Нисы (включая предметы из более ранних раскопок, хранящиеся в Национальном музее в Ашхабаде).

В главе, посвященной керамике, рассматриваются две ее хронологические группы: парфянская и средневековая. Основное внимание уделяется, естественно, первой группе. А. Челлерино отмечает большое значение в ранней парфянской керамике сосудов, выполненных из серой глины и покрытых черной краской. Этот тип керамики обычно считается самым ранним среди керамических комплексов эллинистической эпохи в Центральноазиатском регионе.

В. Мессина, автор главы о так называемых сфероидах (не очень правильной формы шаров, выполненных из гипса и имеющих на себе отпечатки, нанесенные либо монетой, либо печаткой), обращает внимание на то, что в большинстве случаев они были найдены в помещениях, уже подвергшихся разрушению, и, наиболее вероятно, имели какое-то сакральное значение.

В «Заключении» К. Липполис сделал попытку ответить на ряд основных вопросов, которые ставит перед исследователями памятник и, в частности, те два сооружения, которые были объектами исследования Итальянской археологической экспедиции. Автор указывает, что в настоящее время подавляющее большинство исследователей единодушны в определении Старой Нисы как церемониального центра династии Аршакидов. Но необходимы дальнейшие исследования в этом направлении. Говоря о «Красном здании», К. Липполис особо выделяет факт значительной роли красного цвета в декоре здания. Он ставит этот факт в связь со значительной ролью красного цвета в ахеменидских дворцах (Вавилон, Персеполис, Сузы) и высказывает предположение, что красный цвет каким-то образом был связан с аршакидской царской идеологией.

Общая композиция «Красного здания», как считает К. Липполис, очень близка общей центральноазиатской традиции ахеменидского и постахеменидского времени в дворцовой и храмовой архитектуре (храм Окса, айадана Суз, эллинистический храм в Персеполе). Однако и характер находок и другие обстоятельства не позволяют считать «Красное здание» храмом. К. Липполис предполагает, что это здание (точнее, его центральная часть – тетрастиль) являлось церемониальным приемным залом (комната 21-я служила царской «часовней», в которой молился сам царь). К сожалению, сейчас еще невозможно определить датировку этого здания, но некоторые наблюдения позволяют выявить относительную хронологию. Вероятнее всего, это сооружение относится к «ранней» стадии строительства на Старой Нисе. Оно явно возведено до того, как были построены «Круглый храм» и Башенное сооружение. К сожалению, нельзя в настоящее время сказать, каково было соотношение (хронологическое) между нашим зданием и другими, которые были созданы в это «архаическое» время (например сооружения под «Квадратным залом»). Однако отмечу, что нет твердых доказательств того, что эти сооружения построены в одно и то же время. Столь же возможно и другое предположение: «Красное здание» строилось одновременно с конструкциями «Здания с квадратным залом», а те конструкции, которые обнаружены под ним, – еще более ранние.

С точки зрения общеисторической периодизации К. Липполис предполагает следующее развитие событий: Митридат I создал Старую Нису как укрепленную резиденцию, но позднее, в какой-то момент она была превращена в династический церемониальный центр (автор следует в этом А. Инверници). В то время произошла трансформация всего центрального комплекса, но «Красный зал» продолжал использоваться, единственным изменением было создание двух комнат по бокам портика.

Круглый храм относится ко второй строительной фазе, следующей за строительством «Красного здания». Размеры и своеобразная планировка заставляют думать, что он создавался для ритуальных целей. Относительно более точного назначения этого сооружения высказывались различные гипотезы, но ни одна из них не была, строго говоря, доказана. К сожалению, нет достаточных данных для точной датировки Старой Нисы. Остраконы, найденные на памятнике, показывают, что комплекс существовал уже к 150 г. до н.э., его «акме» приходится на I век до н.э., а время прекращения функционирования – на I век н.э. В связи с этим надо сказать, что, с нашей точки зрения, полностью исключить III век до н.э. или начало II в. до н.э. как время создания крепости нельзя. Аргумент, основанный на предположении о наличии здесь фрагмента статуи Митридата, не обладает абсолютной убедительностью, так как эллинистическая концепция «основания» включает в себя не только строительство абсолютно нового населенного пункта, но и перестройку ранее существующего с присвоением ему нового имени. Достаточно сослаться на Мерв, который первоначально назывался Александрией, а затем Антиохией (а может быть, и – в промежутке – Селевкией), или Раги, где также несколько раз менялось название города.

Оценивая в целом рецензируемую книгу, можно смело утверждать, что она представляет собой образец настоящего научного отчета о проведенных археологических исследованиях. Исследователи детально описывают процесс раскопок, его результаты, текст ясно документирован фотографиями и чертежами. Автору данной рецензии приходилось бывать на раскопках этой экспедиции, и полученные впечатления полностью совпадают с тем, что представлено в отчете. Публикация этого отчета разбивает стойкую традицию, установившуюся на Старой Нисе. Дело в том, что мы почти не имеем собственных отчетных публикаций по этому памятнику, хотя раскопки на нем ведутся уже с 30-х годов XX в. Некоторое время тому назад В.Н. Пилипко пришлось потратить много времени и сил, чтобы собрать всю сохранившуюся документацию по старым раскопкам¹¹, но и эта публикация не заполнила всех «белых пятен» в наших знаниях о результатах раскопок ранних лет изучения Старой Нисы. Например, в той части памятника, которая была объектом исследования Итальянской экспедиции, особое значение принадлежит так называемому «Круглому храму», но масштабные исследования в нем, проведенные в свое время ЮТАКЭ, документированы только в достаточно краткой статье¹². О раскопках этой части комплекса, строго говоря, можно указать только одну статью отчетного характера, но хотя она и важна для понимания стратиграфии, тем не менее масштабы проведенных работ столь невелики, что она, в общем, не меняет ситуации¹³.

Некоторые наблюдения и выводы авторов имеют принципиальное значение. К числу их нужно отнести, например, вывод о том, что «Красное здание» возведено ранее, нежели соседние с ним. Точно так же кажется вполне обоснованной гипотеза о его купольном перекрытии. Интересными представляются и наблюдения относительно роли камня в строительных конструкциях раннего времени. Каменные цоколи «Красного здания», по определению итальянских исследователей, отражают ахеменидские традиции, что кажется очень верным. Нельзя не принять концепцию относительно генезиса глиняной скульптуры Мертвых Азии эпохи раннего эллинизма.

Критические замечания могут быть сделаны только по некоторым положениям интерпретационной части книги. Выше мы уже говорили о наших сомнениях относительно абсолютных датировок. Кроме того, гипотеза о принадлежности фрагмента статуе Митридата I кажется очень соблазнительной, вполне вероятной, но, строго говоря, она не доказана. Мне представляется также, что можно более определенно, нежели это делают итальянские коллеги, ответить на вопрос о причинах и времени начала запустения Старой Нисы. Анализ данных Птолемея приводит к выводу, что в середине I в. н.э. земли к северу от Копет-Дага (включая и район Нисы) перешли под контроль Гиркании (на карте Птолемея Гиркания на востоке граничит с Маргианой). Парфиена, утратив эти территории, сохраняла контроль только над землями к югу от этого хребта. Для правителей Гиркании этого вре-

¹¹ См. *Пилипко В.Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.

¹² *Крашенинникова Н.И., Пугаченкова Г.А.* Круглый храм парфянской Нисы (археологическое исследование и вопросы реконструкции) // СА. 1964. № 4. С. 119–135.

¹³ *Bader A., Gaibov V., Gubaev A., Košelenko G., Lapšin A., Novikov S.* Ricerche nel complesso del Tempio Rotondo a Nisa Vecchia // *Parthica*. 2002. 4. P. 9–45.

мени значение Старой Нисы как сакрального и церемониального центра династии Аршакидов уже не имело значения и поэтому они не стремились его сохранять¹⁴.

Кроме того, новые результаты заставляют вернуться к некоторым старым проблемам. К числу их относится, например, проблема статуарных изображений людей в греческих одеяниях и с греческими же доспехами. Фрагменты таких статуй встречались и ранее, но фрагменты, найденные Итальянской археологической экспедицией, еще больше заостряют вопрос. Кого изображали эти статуи? Почему в помещении, имеющем сакральное значение, рядом со статуей, возможно, Митридата I стояли греки (или македоняне)? На эти вопросы очень трудно ответить на сегодняшнем уровне наших знаний.

Подводя итоги, можно смело утверждать, что данная книга будет с удовольствием принята всеми специалистами, работающими в Центральноазиатском регионе, и сыграет очень важную роль в прогрессе наших знаний.

Г.А. Кошеленко

¹⁴ Кошеленко Г.А. О времени существования некоторых сооружений Старой Нисы // ПИФК. Вып. IX. 2000. С. 199–207.